

Цзян Сяои натянул одеяло, прикрывая рот и оставляя на виду лишь глаза. Он уставился на Бай Цзыму и пробормотал:

— Пора вставать, нужно ещё завтрак готовить.

Сегодня предстояло жать рис. Ему придётся работать одному, так что нужно начинать пораньше.

— Я приготовлю, — сказал Бай Цзыму.

В этот момент Цзян Сяои показался ему до странного милым. Он и так поздно лёг, а ночью ещё и вставал, чтобы повозиться с делами — как тут не хотеть спать. Бай Цзыму помнил, что ему самому стоило недоспать полчаса, как он потом целый день ходил как в тумане. Он похлопал Цзян Сяои по плечу и, улыбнувшись, тихо прошептал: — Как будет готово, я тебя позову.

Отец Цзян ещё спал. Медвежьими лапами промывать рис было неудобно, поэтому Бай Цзыму принял человеческий облик и принялся хлопотать на кухне.

В углу стояла кадка с прошлогодней квашеной капустой, которую ещё не доели. Идти в огород за свежими овощами было уже поздно, а жареная квашеная капуста отлично подходила к каше. Он зачерпнул пригоршню, понюхал. Запах был слишком резким — её следовало промыть, иначе от кислоты сведёт зубы.

Только начав жарить овощи, Бай Цзыму спохватился.

«С чего это я сегодня такой трудолюбивый? Совсем на меня не похоже!»

И ведь когда Цзян Сяои пошевелился, он тут же подошёл к нему...

«О чём я тогда думал? Неужели совершенствование пошло не так, и я впал в одержимость?»

Вчера Цзян Сяои вёл себя странно, а сегодня настала его очередь. Неужели эта хворь заразна? Бай Цзыму чувствовал, что его поступки вышли из-под контроля, и это было ненормально.

Цзян Сяои больше не спал. После ухода Бай Цзыму он приоткрыл дверь и, проводив взглядом его статную фигуру, наблюдал, как тот занимается делами, которые обычно выполняли женщины и фуланы. В душе у него всё смешалось: и сладость, и горечь, и непонятная нежность. Чувства нахлынули так бурно, что он не знал, как их описать. Это было странно: он радовался, но в то же время ему было немного грустно, и всё казалось нереальным.

За эти годы он не раз чувствовал усталость. Иногда, в редкие минуты отдыха, он думал: как было бы хорошо, если бы рядом был кто-то, кто мог бы помочь, на кого можно было бы опереться, кто пожалел бы его и дал передышку. Отец, конечно, тоже жалел его, но то чувство, что сейчас наполняло его сердце — кисло-сладкое, радостное и трепетное, — было совсем другим.

Закончив с делами, Бай Цзыму вернулся в комнату. Цзян Сяои спросил, не хочет ли он побегов бамбука. Тот, понурившись, покачал головой и сказал, что ему нужно совершенствоваться. Цзян Сяои больше не стал его беспокоить.

Этот завтрак для семьи из четырёх человек оказался на редкость вкусным. Бай Цзыму нашинковал немного перца и обжарил его вместе с квашеной капустой. Кисло-острый вкус не только возбуждал аппетит, но и идеально сочетался с кашей.

Отец Цзян съел три миски и с улыбкой сказал:

— Сяои, в последние дни ты готовишь очень вкусно! Посмотри на Сяоэра, он каждый раз съедает целую миску. Мне кажется, он даже немного поправился.

Цзян Сяосань, держа миску, с шумом отхлебнул каши и тоже похвалил:

— Старший брат готовит лучше всех, Сяосань завтра снова хочет квашеной капусты.

Цзян Сяои почувствовал укол совести. Разве это он так вкусно готовил? Всё это приготовил Бай Цзыму.

Боясь помешать совершенствованию Бай Цзыму, он взял с собой на полевые работы и Цзян Сяоэра, и Цзян Сяосаня.

Несколько дней назад, возвращаясь с рубки дров, Цзян Сяои специально зашёл на поле посмотреть — рис почти созрел. Сегодня он не пошёл в горы, решив сначала заняться жатвой. Цзян Сяосань был самым трудолюбивым и помогал ему. Жать он не умел, но мог носить сжатые снопы к молотильному ящику. Цзян Сяоэр, хоть и не мог выполнять тяжёлую работу, тоже не сидел без дела: согнувшись, он шёл за Цзян Сяои и подбирал упавшие колосья.

В Великой Чжоу технологии были отсталыми, и молотьба риса производилась вручную. После жатвы снопы брали в руки и с силой били о стенку молотильного ящика. От удара зёрна осыпались. Этот процесс был самым утомительным.

К полудню часть риса ещё оставалась не сжатой. Поле семьи Цзян находилось у подножия Северной горы, далеко от реки, и из-за особенностей почвы здешние заливные поля были не такими плодородными, как на Южной горе.

Оставлять зерно в поле было рискованно. Каждый год во время жатвы все сначала убирала урожай с полей у Южной горы, поэтому сейчас здесь почти никого не было. Сжатый рис лежал в кучах, и если кто-нибудь утащит сноп-другой, можно и не заметить.

Цзян Сяои не решался уходить и попросил Цзян Сяосаня сбежать домой, приготовить обед, нарвать овощей и прийти сменить его.

Вчера днём Бай Цзыму ушёл искать Цзян Сяои и надолго пропал, чем напугал Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня. Когда он вернулся, малыши не отходили от него ни на шаг. Сейчас Цзян Сяосань, приготовив еду, собирался идти в огород за овощами, но и туда хотел взять его с собой.

Цзян Сяои запретил ему снова рвать листья батата, поэтому сегодня тот пошёл на огород и сорвал два больших кочана капусты. Они были посажены раньше и выросли огромными. Два кочана заполнили маленькую корзину, которая была ему почти по росту. Цзян Сяосань взвалил корзину на спину и собрался идти домой, но едва он вышел на тропинку, как ему преградили путь несколько сорванцов.

Они играли на гумне и, увидев Цзян Сяосаня, тут же прибежали. Загородив ему дорогу, они с усмешкой спросили:

— Дурачок, овощи рвёшь?

Цзян Сяосань молчал. Обнимая Бай Цзыму, он попытался обойти их, но маленький толстяк шагнул назад и снова преградил ему путь.

— Ого, дурачок сегодня немой?

Это был сын мясника Чжана. Он был вылитый отец: всего восемь лет, а ростом и сложением походил на двенадцати-тринадцатилетнего парня. Стоя рядом с Цзян Сяосанем, он делал того похожим на цыплёнка. Цзян Сяосань раньше получал от него тумачков и теперь боялся его. Опустив голову, он молча попытался пройти справа, но Чжан Дабао снова загородил ему дорогу и толкнул в плечо.

— Эй, немой, не уходи! Давай поиграем вместе!

Цзян Сяосань рассердился:

— Сяосань не немой, отстань, Сяосань домой идёт, Сяосань с тобой не играет.

Словно никогда не слышав его голоса, Чжан Дабао удивлённо воскликнул:

— Ого! Наконец-то заговорил! Эй, все сюда, смотрите! Дурачок-то говорить умеет!

Другие дети окружили Цзян Сяосаня и принялись дразнить его, крича: «Дурачок, ну давай! Скажи ещё что-нибудь, мы послушаем».

Цзян Сяосань закричал:

— Не скажу, не скажу!

— Почему не скажешь? — Чжан Дабао порылся в кармане и, достав солодовую конфету, протянул её Цзян Сяосаню.

Остальные дети тут же замолчали и уставились на конфету. Итан была дорогой, и деревенские дети редко её ели. Только на Новый год родители покупали немного, чтобы порадовать их. Мясник Чжан был мастером своего дела и арендовал небольшой лоток в городе, поэтому семья жила неплохо. К тому же Мяснику Чжану было почти сорок, и Чжан Дабао был его единственным сыном, которого он очень баловал, то и дело покупая конфеты.

Раньше, когда он ел их, Цзян Сяосань, если видел, всегда прятался в сторонке и, не моргая, тайком смотрел на него с завистью. Однажды тот разговаривал с конфетой во рту, и она случайно выпала на землю, испачкавшись в пыли. Он был занят игрой и не придавал этому значения, не стал подбирать. Когда он ушёл, Цзян Сяосань подбежал, поднял её и съел.

Чжан Дабао знал об этом и теперь решил подкупить его.

— У меня есть конфета, хочешь? Если хочешь, полаешь как собака. Если хорошо получится, я тебе её дам. Ты ведь, наверное, никогда не ел конфет? Они такие сладкие, вкуснее мясных пирожков.

Видимо, обладание конфетой делало его очень важным в собственных глазах. Чжан Дабао задрал подбородок, уверенный, что Цзян Сяосань не откажется.

Бай Цзыму холодно посмотрел на него.

«Лаять как собака? Это уже переходит все границы».

Он хотел выпрыгнуть и дать этому щенку пинка, но Цзян Сяосань так крепко его обнимал, что он не мог пошевелиться.

Цзян Сяосань поджал губы. У него тоже были конфеты. Вчера старший брат дал ему две, и ещё пряные полоски, он их даже не доел, они лежали в кармане. Одной рукой он крепче обнял Бай Цзыму, а другой достал молочную конфету и сказал:

— У тебя есть конфета, и у Сяосаня есть. И у меня есть Мишка, а у тебя нет.

Он больше не завидовал Чжан Дабао.

Чжан Дабао давно заметил медвежонка в его руках. Этот милый зверёк ему сразу понравился. Но он видел, как Цзян Сяои носил медвежонка с собой рвать овощи, и похоже, Цзян Сяои тоже очень его любил. Цзян Сяои был немного суровым, и даже сейчас, когда его не было рядом, Чжан Дабао не решался отнять игрушку. Увидев, что Цзян Сяосань обнимает медвежонка, он почувствовал укол зависти. А теперь, когда тот достал ещё и конфету, белую, которая выглядела даже вкуснее его итана, он совсем разозлился.

Он был местным заводилой, и обычно это у него было то, чего не было у других, а все остальные ему завидовали и лебезили перед ним. Как он мог проиграть этому дурачку Цзян Сяосаню?

Но у него действительно не было медвежонка. Отец говорил, что такие в городе не продаются. Хотя ему купили кролика, но кролик был не такой милый. Кролик только ел и боялся людей, всё время норовил спрятаться. А этот медвежонок не боялся людей. Несколько раз, проходя мимо дома Цзянов, он видел, как тот играл с Цзян Сяосанем, гоняясь за ним.

Чем больше Чжан Дабао думал об этом, тем больше злился. Уперев руки в бока, он уставился на Цзян Сяосаня. Вдруг его глаза блеснули.

— У меня нет медвежонка, зато у меня есть два зятя, а у тебя? Твой старший брат замуж выйти не может, у тебя ни одного нет!

Остальные дети подхватили:

— Точно, точно! У меня тоже есть зять.

— И у меня, и у меня есть! У меня целых три: два зятя и один гэфу.

— Ого, как много!

— Цзян Сяосань, а у тебя есть?

У Цзян Сяосаня не было ни одного.

Это маленькое мужское состязание закончилось полным поражением Цзян Сяосаня.

Он с воем прибежал домой, вымыл овощи и, снова взвалив на спину Бай Цзыму, с плачем

поплёлся к Цзян Сяои.

Цзян Сяои, услышав его, выпрямился. Цзян Сяосань опустил Бай Цзыму на землю и, обливаясь слезами и соплями, бросился обнимать его за ноги.

— У-у-у, старший брат.

Цзян Сяои встревожился. Забыв про жатву, он погладил его по голове, осмотрел с ног до головы и обеспокоенно спросил:

— Что плачешь? Тебя обидели?

Цзян Сяосань, всхлипывая, пролепетал:

— Нет, старший брат, Сяосань хочет гэфу, Сяосань хочет гэфу.

Цзян Сяои замер. «...»

Он невольно взглянул на Бай Цзыму. Тот встретился с ним взглядом, и его сердце ёкнуло. Он тут же отвернулся и спрятался за Цзян Сяоэра.

«Что значил этот взгляд Цзян Сяои? Я даже думать об этом боюсь».

Его спина выражала панику и поспешность. Цзян Сяои опустил голову.

— Старший брат, Сяосань хочет гэфу, — сокрушался Цзян Сяосань. — У Дабао и у всех есть гэфу, только у Сяосаня нет. Сяосань тоже хочет.

Цзян Сяои был в затруднении. Сейчас найти хотя бы половину было трудно.

— Будь умницей, я дам тебе молочную конфету, хорошо? — Цзян Сяои присел, вытер ему слёзы и сопли и, взяв за руку, подвёл к корзине. Он достал оттуда пакет конфет. Цзян Сяосань был легко утешаем и скоро перестал плакать.

Но Цзян Сяои всё равно было не по себе. Вероятно, поведение Бай Цзыму, избегавшего его как чумы, заставило его почувствовать себя неловко и разочарованно.

Он снова согнулся, чтобы жать рис, и попросил Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня присмотреть за вещами, пока он пойдёт домой готовить.

Днём было очень жарко. Цзян Сяои принёс еду и отвёл младших братьев поесть в тени деревьев. После еды он отправил их домой. Под деревьями было прохладнее, чем на солнце, но всё равно жарко, и много комаров. Оставшуюся работу они сделать не могли. Цзян Сяосань послушно ушёл, но хотел забрать с собой и Бай Цзыму. Тот потянул Цзян Сяои за одежду. Цзян Сяои подумал, что он боится, что малыши будут мешать ему совершенствоваться, и хочет остаться на улице. Он сказал Цзян Сяосаню, чтобы они шли одни, а Мишка останется с ним.

Поев, Цзян Сяои не стал отдыхать, а сразу принялся за молотьбу. Иначе он не успеет закончить и придётся ночевать в поле. Это была тяжёлая физическая работа под палящим солнцем. Вскоре он весь взмок, и пот капал с его лица.

Бай Цзыму выпрямился, огляделся по сторонам. Убедившись, что вокруг никого нет, он снова принял человеческий облик и подошёл.

— Давай я.

Цзян Сяои моргнул, в его взгляде промелькнули радость и удивление.

— Не надо, — его голос был сухим и хриплым от усталости. Он опустил глаза. — Слишком жарко, я сам. Иди лучше в тень.

Бай Цзыму молча посмотрел на него, потом, не говоря ни слова, взял у него из рук сноп и принялся с силой бить им о молотильный ящик. Он был силен и быстро справился. Цзян Сяои хотел что-то сказать, но Бай Цзыму свободной рукой сунул ему в руки бутылку с напитком.

— Будь умницей, иди в тень и посиди. И присмотри, чтобы никто не шёл.

От одного этого слова Цзян Сяои забыл как дышать. Его барабанные перепонки завибрировали. Держа напиток, он ошеломлённо побрёл прочь.

Бай Цзыму велел ему стоять на страже и крикнуть, если кто-нибудь появится, но все мысли Цзян Сяои были заняты им, и ему было не до людей.

С тех пор как Бай Цзыму вынес его из гор, он не решался смотреть ему в глаза. Когда Бай Цзыму был в комнате и совершенствовался, не мелькая перед ним, он сильно скучал. Но стоило ему появиться в поле его зрения, даже если он ничего не делал, а просто стоял, Цзян Сяои не мог сдержать волнения, краснел, и сердце бешено колотилось.

Он чувствовал, что с ним что-то не так.

На днях ему даже приснился сон. Во сне Бай Цзыму обнимал его, уткнувшись лицом ему в шею, и своим бархатным голосом шептал самые непристойные вещи. Проснувшись, он почувствовал липкость внизу — его штаны промокли. Такое с ним случилось впервые с

четырнадцать лет. Он тайком, пока все спали, пробрался на кухню и постирал их.

Он не знал, что с ним происходит. После долгих раздумий он решил, что виной всему красота Бай Цзыму.

Он был красив, когда нёс его на спине.

Красив, когда защищал.

Красив, когда готовил.

Даже когда молотил рис, он был красив.

Во всём он был прекрасен.

Цзян Сяои долго смотрел на него. Его лицо покраснелось, и он, одурманенный, потерял голову.

За эти годы он голодал, гнул спину за двадцать вэней. Он лучше других знал, что внешность порой бывает обманчива и бесполезна, а возможность набить желудок — вот что настоящему хорошо.

Он недолго общался с Бай Цзыму, но было в этом что-то странное. Рядом с ним он почему-то чувствовал себя спокойно. Он не мог объяснить это чувство. Стоило Бай Цзыму появиться, как его взгляд невольно устремлялся к нему.

Ему скоро двадцать...

В жизни он никогда ни за что не боролся. Даже когда тётушка хвалила семью Лю и хотела сосватать его, он лишь думал, что она желает ему добра и неудобно отказывать. К тому же, возраст поджимал, и он согласился. Но сейчас в нём внезапно проснулось невиданное доселе сильное желание.

Он хотел быть с Бай Цзыму.

Он... хотел выйти за него замуж.

Неизвестно, испытывает ли Бай Цзыму к нему какие-то чувства, но за хорошие вещи нужно бороться. Если Бай Цзыму его не любит, что ж, по крайней мере, он попытался, и жалеть будет не о чем. А если он не осмелится сделать даже первый шаг, то, возможно, будет жалеть об этом всю жизнь.

Взгляд был таким горячим, что Бай Цзыму, которому и так казалось, что его рост в метр девяносто приближает его к солнцу и оттого невыносимо жарко, почувствовал, как у него горит зад.

У самцов есть желание покрасоваться перед самками. Бай Цзыму умирал от усталости, но мысль о том, что он сдастся после такой малости, заставила его устыдиться. Неизвестно откуда взялись силы, и он, словно обретя второе дыхание, принялся молотить рис с удвоенной энергией, так что снопы только и мелькали.

Увидев, что вся работа сделана, Цзян Сяои подбежал, закатал рукава и, набравшись смелости, сказал:

— Устал? Я... я вытру тебе пот, хорошо?

Бай Цзыму замер. «...»

Он отступил на шаг, увеличивая расстояние между ними.

— Не надо, — он отвёл взгляд и сменил тему. — Мешки принёс? Давай скорее собирать зерно.

— ...Принёс, — пробормотал Цзян Сяои, но не унывал.

С девяти соток земли собрали почти двести цзиней риса. Цзян Сяои перенёс их за два раза. Когда они закончили, был ещё день.

Зерно было пыльным, и от него чесалось тело. Цзян Сяои искупался, потом набрал таз воды, чтобы искупать и Бай Цзыму. Подойдя к кровати, он увидел, что тот чешет себе зад. От удивления он споткнулся и рухнул прямо на кровать.

Бай Цзыму оказался под ним.

«Что этот гэ'эр себе позволяет? Он... он что, хочет взять меня силой?»

Глаза Бай Цзыму расширились, сердце подскочило к горлу. Он испуганно заговорил, отталкивая Цзян Сяои:

— Что ты делаешь? Цзян Сяои, не надо, я тебя умоляю, между нами ничего не может быть, не делай этого! Фахай, Фахай, где ты, скорее сюда! Забери меня в пагоду Лэйфэн!

«У-у-у, жить не хочу».

Голова Цзян Сяои тоже пошла кругом. Он выпрямился, невольно сжав руки.

— Я... я просто хотел тебя искупать. Я тебя не придавил?

Бай Цзыму забился в угол кровати, крепко вцепившись в обрывок ткани на поясе. Поколебавшись, он посмотрел на Цзян Сяои и решительно сказал:

— Цзян Сяои, я хочу уйти.

«В этом доме больше оставаться нельзя, это опасно для жизни».

Глаза Цзян Сяои не мигая смотрели на него.

— Что?

— Моё тело почти поправилось, я хочу уйти, — сказал Бай Цзыму.

Цзян Сяои испугался.

— Я тебя только что придавил? Я нечаянно, в следующий раз я буду осторожнее, ты...

— Дело не в этом, — прервал его Бай Цзыму. — Я просто хочу уйти.

Лицо Цзян Сяои мгновенно побледнело. Он замер на месте, долго смотрел на него, потом опустил голову, и его глаза покраснели. Не говоря ни слова, он развернулся и вышел из комнаты.

Вскоре снаружи снова послышался звук точимого ножа.

Бай Цзыму застыл. «...»

Он подполз к дверной щели и выглянул. Ну и дела. Цзян Сяои точил кухонный нож, а рядом с ним лежали ещё два больших тесака для рубки дров.

«Какой же жестокий этот гэ'эр!»

Хотя он ничего не сказал, его действия говорили сами за себя.

Следующие несколько дней Бай Цзыму, дорожа своей жизнью, больше не заикался об уходе.

Цзян Сяои, казалось, тоже вёл себя как ни в чём не бывало, только стал чаще крутиться возле него, пытаясь угодить и задобрить.

У него ничего не было, и то, что он мог предложить, было ничтожно мало. Он не умел вышивать платки, как другие девушки, и, видимо, из-за отсутствия опыта, его ухаживания были осторожными, однообразными и неуклюжими. Но каждый раз, когда он смотрел на Бай Цзыму, его глаза выдавали все чувства: и скрытое восхищение, и желание.

Он знал, что Бай Цзыму любит побеги бамбука, и искал их для него по всем горам. Собрав дикие ягоды, он, зная, что тот их не ест, всё равно протягивал их, краснея, и спрашивал, не хочет ли он попробовать.

Трудно устоять перед милостью красавца. Всего за несколько дней Бай Цзыму похудел на полцзиня, и шерсть у него вылезла клочьями.

Он говорил:

— Цзян Сяои, не надо так. Люди и демоны не могут быть вместе. Мы не подходим друг другу, правда, не обманываю тебя, братишка.

Цзян Сяои каждый раз, услышав это, надолго замирал, потом молча уходил во двор точить нож.

Рис уже был очищен и сушился во дворе. Боясь, что прилетят птицы и склюют его, Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань целыми днями сидели рядом, обнимая Бай Цзыму и держа наготове большую метлу.

В полдень, когда Цзян Сяои был на кухне, мимо проходила госпожа Хуан с корзиной свиной травы. Увидев сидящих у ворот Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня, она, видимо, всё ещё переживая из-за той половины ляна серебра, и не видя взрослых во дворе, плюнула в их сторону и, уходя, пробормотала, обзывая их дураком и слабаком, и почему они до сих пор не сдохли, только противно на них смотреть.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань не расслышали, но Бай Цзыму услышал всё отчётливо.

Он внезапно расвирепел.

«Ну и что, что дурак? Ну и что, что слабак? Тебе-то что? Мы что, твой рис едим?»

Эта старая ведьма снова и снова переходила все границы. Раз уж она не умеет говорить по-человечески, то и рот ей, похоже, не нужен.

В ту же ночь, дождавшись, пока дыхание Цзян Сяои станет ровным, он внезапно спрыгнул с кровати, тихонько открыл дверь и выбежал на улицу.

<http://bllate.org/book/13701/1588889>